

“Zholkovsky’s work—vast in scope and eclectic in methodology—has long been humanizing semiotics in both the Russian and American academy, giving it a face, a sense of humor, a stake in the real worlds we live by, but never losing its structuralist bedrock. The essays collected here, which range from Pushkin to Fyodor Karamazov, Okudzhava and Sedakova, from Peter the Great’s scandals abroad to Russian literary theory and filmmaking at home, are a goldmine by leading Slavists in North America, Europe, and Russia. A huge book of brilliant nuggets, it lights up the contours of our field today while paying perfect vignette-like tribute to Alik’s long non-conformist career, as fascinating and inscrutably flexible as it was often perilous.”

— Caryl Emerson, A. Watson Armour III University Professor Emeritus of Slavic Languages and Literatures, Princeton University

“This book is a wonderful gift not only for the ‘jubilee celebrant’ (for AZ it is impossible to imagine this phrase without quotes), but for all of us. The variety of topics, genres and authors might seem surprising were it not for the fact that this variety reflects the character of the book’s addressee. Its content, better than any manifesto or theoretical treatise, brings us good news: that a lack of intellectual inhibition, an unrestricted field of vision, and an enthusiasm that does not cloy are all so becoming to scholarship that, in essence, has as its sole palpable subject the infinity of creative choices. I have always liked Mayakovsky’s neologism: ‘Do not jubilee!’ (He himself, though, was very much concerned with his own anniversaries.) A/Z is completely devoid of the sedate smoothness of octogenaric jubilees, but it has a lot of panache and a spirit of intellectual adventure, and most importantly, fun. In this, the book bears a striking resemblance to its addressee.”

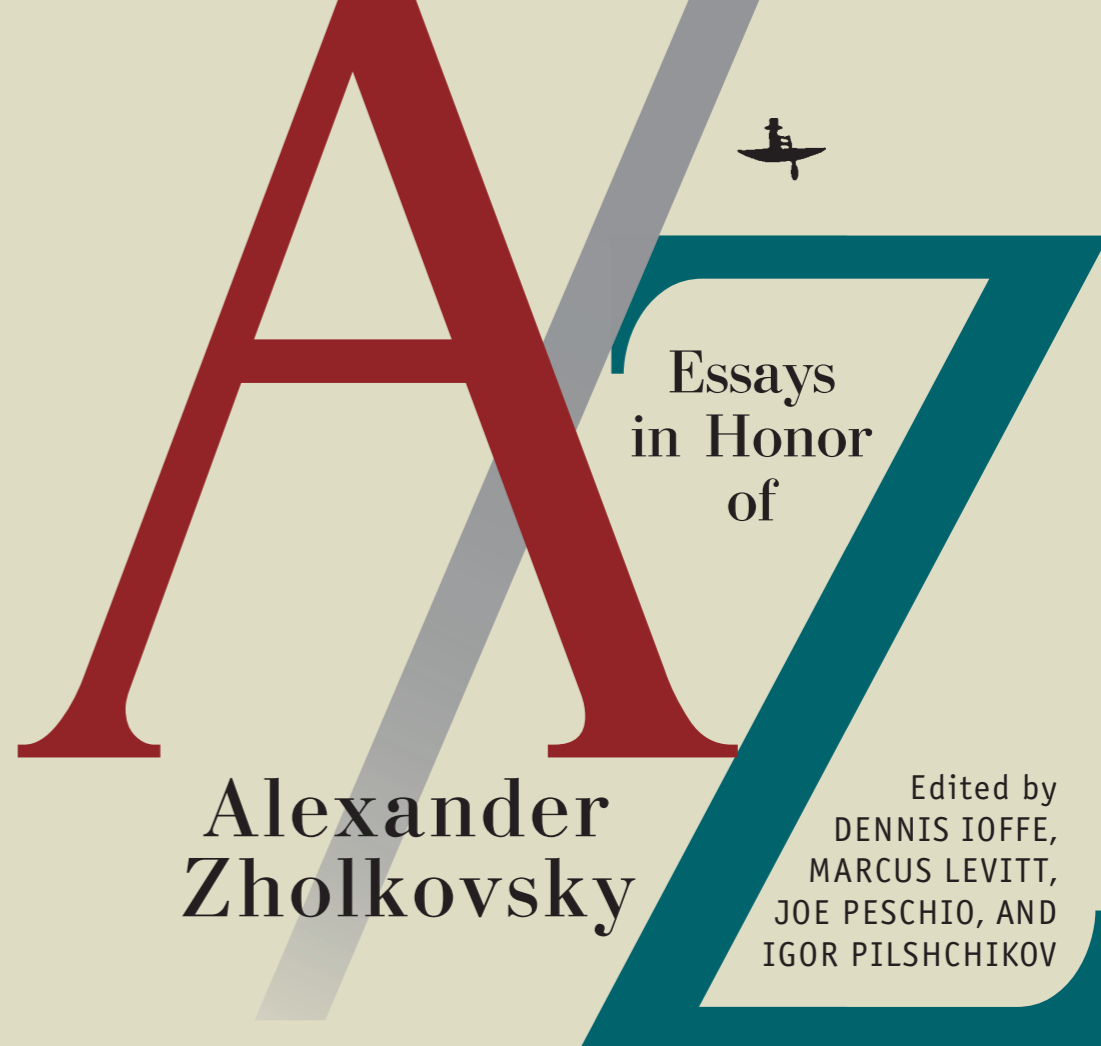
—Boris Gasparov, Boris Bakhmeteff Professor Emeritus of Russian and East European Studies, Columbia University; Head of Philology Academic Program, Higher School of Economics, St. Petersburg

«Жолковский, чье творчество отличается широчайшим тематическим диапазоном и разнообразием методологических подходов, оживляет своим юмором и человечностью американскую и российскую семиотику: он пишет о том, что жизненно важно для всех нас, оставаясь при этом на твердой структуралистской почве. Собранные здесь статьи разнятся по своей тематике: от Пушкина до Федора Карамазова, Окуджавы и Седаковой, от заграничных выходов Петра Великого до русской теории литературы и русского кино. В этом отношении книга сравнима с золотоносным прииском, где потрудились ведущие слависты Северной Америки, России и Западной Европы. Они собрали коллекцию великолепных самородков, сияние которых как бы высвечивает сегодняшние границы нашей профессии. В то же время книга подобна серии виньеток, очерчивающих круг интересов автора неконформистских, непостижимо загадочных, а иногда отчаянно рискованных трудов».

«Эта книга — прекрасный подарок не только “юбиляру” (применительно к AZ это слово невозможно себе представить без кавычек), но всем нам. Разнообразие представленных в ней тем, интеллектуальных жанров и непохожих авторских лиц можно было бы назвать удивительным, если бы оно не отражало характер самого адресата этих посланий. Всем своим содержанием, лучше всяких манифестов и теоретических рассуждений, книга сообщает нам хорошую новость: что науке, единственным осязаемым предметом которой является, в сущности, бесконечность творческих выборов, так к лицу интеллектуальная раскованность, свобода обзора и никому ничего не навязывающая увлеченность. Мне всегда нравилось словцо Маяковского: “Не юбилейте!” (Своим собственным юбилеем он, впрочем, был весьма озабочен). A/Z совершенно лишена юбилейной октагенарной плавности, зато в ней много блеска и интеллектуального авантюризма, а главное, веселья. Этим она замечательно походит на своего подразумеваемого героя».

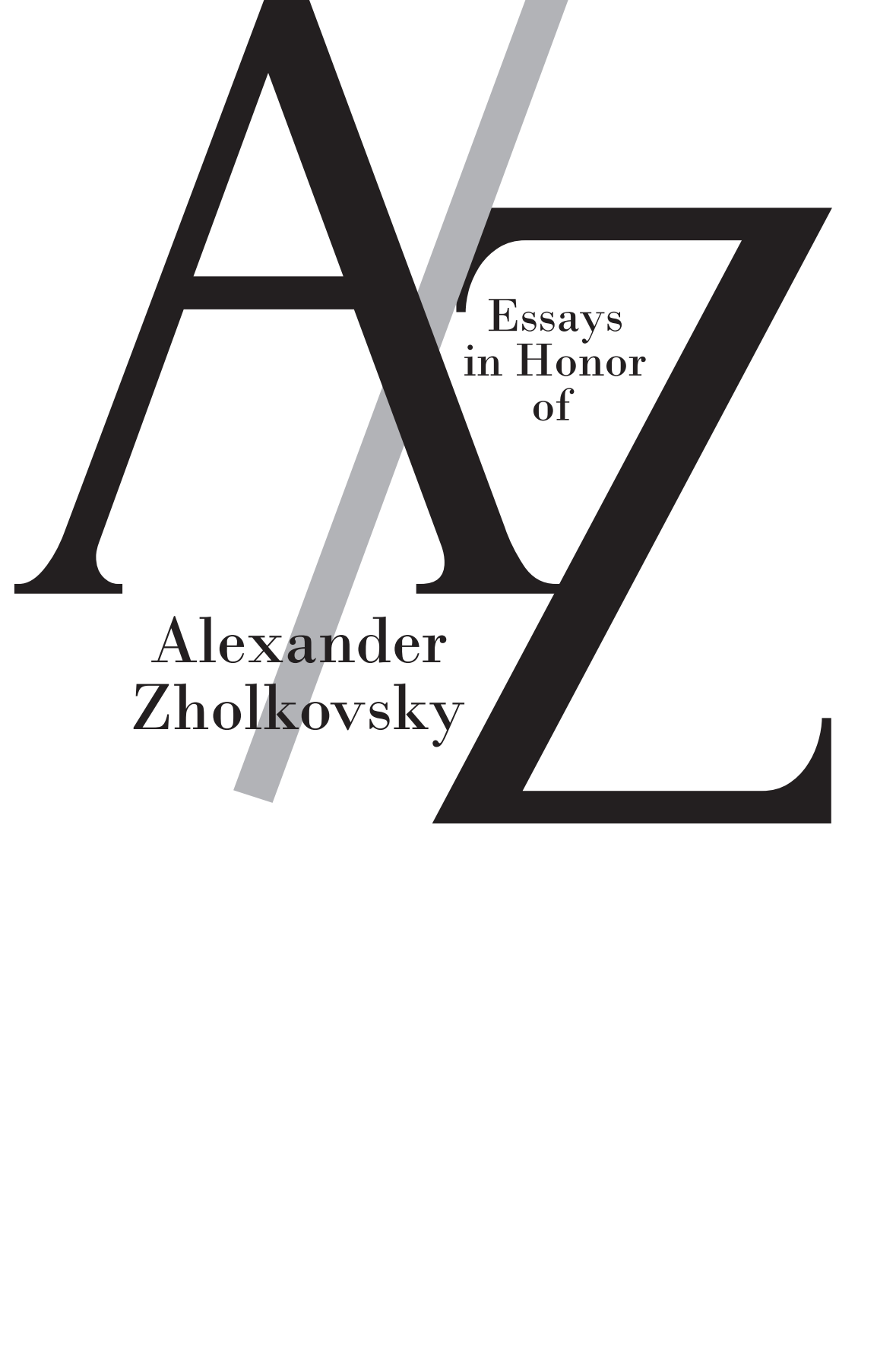
A/Z: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky

Edited by
DENNIS IOFFE,
MARCUS LEVITT,
JOE PESCHIO, AND
IGOR PILSHCHIKOV

www.academicstudiespress.com

The image features a large, bold, black serif font for the letters 'A' and 'Z'. A thick, light gray diagonal line runs from the top right towards the bottom left, passing through the center of the letters. The text 'Essays in Honor of' is positioned within the negative space of the 'Z'.

Alexander
Zholkovsky

Essays
in Honor
of

Alexander
Zholkovsky

Edited by
DENNIS IOFFE,
MARCUS LEVITT,
JOE PESCHIO, AND
IGOR PILSHCHIKOV

Boston
2018

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Names: Ioffe, Denis G., editor. | Levitt, Marcus C., 1954- editor. | Zholkovskii, A. K. (Aleksandr Konstantinovich), honouree. | Peschio, Joe, editor. | Pil'shchikov, I. A., editor.

Title: A/Z : essays in honor of Alexander Zholkovsky / edited by Dennis Ioffe, Marcus Levitt, Joe Peschio, and Igor Pilshchikov.

Description: Boston: Academic Studies Press, 2018. | Includes bibliographical references and index. | In English and Russian.

Identifiers: LCCN 2017043785 (print) | LCCN 2017050457 (ebook) | ISBN 9781618117212 (e-book) | ISBN 9781618117205 (hardback)

Subjects: LCSH: Russian literature—History and criticism. | Motion pictures—Soviet Union—History and criticism. | Zholkovskii, A. K. (Aleksandr Konstantinovich)—Criticism and interpretation.

Classification: LCC PG2932 (ebook) | LCC PG2932 .Z46 2017 (print) | DDC 891.709—dc23

LC record available at <https://lcn.loc.gov/2017043785>

© **Academic Studies Press, 2018**

ISBN 978-1-61811-720-5 (hardcover)

ISBN 978-1-61811-778-6 (paperback)

ISBN 978-1-61811-721-2 (electronic)

Book design by Kryon Publishing Services (P) Ltd.

www.kryonpublishing.com

Cover design by Ivan Grave.

Cover photograph by Lada Panova.

Published by Academic Studies Press in 2018

28 Montfern Avenue

Brighton, MA 02135, USA

P: (617)782-6290

F: (857)241-3149

press@academicstudiespress.com

www.academicstudiespress.com

Contents

Contributors	ix
Acknowledgments	xiii
Dennis Ioffe, Marcus Levitt, Joe Peschio, and Igor Pilshchikov Александр Жолковский: От жизни логоса к логосу жизни	xiv
Alexander Zholkovsky: From the Life of Meaning to the Meaning of Life.	xxviii
Anthony Anemone (New York) “Dear Iosif Vissarionovich”: The Unmaking of Kalatozov’s <i>Mountain Eagles</i>	1
David Bethea (Madison) Notes Towards an Evolutionary Poetics	22
Mikhail Bezrodny (Heidelberg) «Против инварианта не поперешь»	46
Alina Bodrova (Moscow) Неподцензурные редакции как подтекст: К литературной истории послания Пушкина «К.А. Тимашевой»	64
Nikolai Bogomolov (Moscow) Заметки о песнях Булата Окуджавы	85
John E. Bowlt (Los Angeles) Победы реализма	103
Marijeta Bozovic (New Haven) “I’ll Permit Myself to Continue for Pasternak”: Reflections on Olga Sedakova’s Long Modernist Century	114

Oksana Bulgakowa (*Mainz*)

Режиссер как звезда: Сергей Эйзенштейн в
портретах и автопортретах 135

Andrei Dobritsyn (*Lausanne*)

От Варрона до Панара: Комментарий к «Обедам» Баратынского 152

Alexander Dolinin (*Madison*)

Вослед Жолковскому. Пять заметок о рассказе Набокова
«Весна в Фиальте» 169

Mikhail Epstein (*Atlanta*)

Парадоксальные речевые акты в литературе: Трансформативы
и контраформативы 194

Stuart Goldberg (*Atlanta*)

Creating a Sincere Voice: One Poetic Device in Pushkin's
Lyrics of the 1830s 206

Vladimir Golstein (*Providence*)

Sacred Violence in Blok's "Dvenadtsat'" 225

Mikhail Gronas (*Hanover*), Boris Orekhov (*Moscow*)

Что такое семантическое издание и почему в будущем все
издания станут семантическими? 246

Aage Hansen-Löve (*Munich / Vienna*)

«Scribo, quia absurdum» у Даниила Хармса:
Трамвайные вопросы 269

Leonid Heller (*Lausanne / Paris*)

«Я-город» из стекла, или Прозрачность и зверь в романе
Замятина «Мы». 285

Yuri Leving (*Halifax*)

Бомба. 304

Mark Lipovetsky (*Boulder*)

Триксстер vs. трикстер: «Учителя» и «ученики» у Эренбурга,
Олеши, Булгакова и Бабеля. 327

Igor Mel'čuk (*Montréal*)

"Wordlets": One of Zholkovsky's Major Contributions to the
Notion of Deep-Syntactic Structure 350

Michael Meylac (<i>Strasbourg / Saint Petersburg</i>) «Индия пусть»: Обоснование чужой одушевленности	361
Igor Nemirovsky (<i>Boston / Saint Petersburg</i>) Федор Павлович Карамазов — человек пушкинской эпохи	374
Lada Panova (<i>Los Angeles</i>) Магия старинного слова: О любовной элегии Осипа Мандельштама «Tristia»	400
Kevin M. F. Platt (<i>Philadelphia</i>) Dmitry Golyenko and the Weaponization of Discourse Poetry	419
Sarah Pratt (<i>Los Angeles</i>) Small Talk, Whimsy, and <i>Gravitas</i> : A Few Quasi-Zholkovskian Vignettes of Encounters with Lidiia Ginzburg.	433
Oleg Proskurin (<i>Atlanta</i>) «И бездны мрачной на краю»	447
Barry P. Scherr (<i>Hanover</i>) Seeing the Forest Through the Trees: The Underlying Structure of Gumilev’s “Les”	465
Wolf Schmid (<i>Hamburg</i>) Книга Иова в «Братьях Карамазовых», или «надрывная» теодицея	479
Andreas Schönle (<i>London</i>) Structures of Time and the Topos of Ruin in Kira Muratova’s “Among Grey Stones”	492
Thomas Seifrid (<i>Los Angeles</i>) The Paradox of Tolstoyan Interiority	508
Igor P. Smirnov (<i>Konstanz</i>) Обнажение мастера, засекречивающего прием (Источники груневальдского эпизода в романе Владимира Набокова «Дар»)	526
Galin Tihanov (<i>London</i>) Organicity: From the History of a Discourse	547
Boris Uspensky (<i>Moscow / Naples</i>) Из гоголевской антропонимики	553

Ilya Vinitsky (*Princeton*)

La Leçon d'Anatomie: Как царь Петр своих подданных от
брезгливости не отучил 558

Ronald Vroon (*Los Angeles*)

“Though I Speak with the Tongues of Men and of Angels...”:
Some Notes on Velimir Khlebnikov’s “Liminal” Neology 577

Michael Wachtel (*Princeton*)

Four Notes on Pushkin’s Prose 600

Willem G. Weststeijn (*Amsterdam*)

Can We Know the Writer from His Work? The Case of
Alexander Zholkovsky 610

Frederick H. White (*Orem / Salt Lake City*)

Aleksei Balabanov’s “Cinema about Cinema” 622

Aleksey Yudin (*Ghent / Brussels*)

Символика пересечения границ в восточнославянских
заговорах 642

Andrei Zorin (*Oxford / Moscow*)

Император или князь? (Комментаторская виньетка) 654

Contributors

ANTHONY ANEMONE

Associate Professor of Humanities and Literary Studies at The New School.

DAVID BETHEA

Vilas Professor of Slavic Languages and Literature at University of Wisconsin–Madison.

MIKHAIL BEZRODNY

Lecturer in Russian at Universität Heidelberg.

ALINA BODROVA

Associate Professor in the Faculty of Humanities at National Research University, Higher School of Economics.

NIKOLAI BOGOMOLOV

Professor and Chair in the Faculty of Journalism at Lomonosov Moscow State University.

JOHN E. BOWLT

Professor Emeritus of Slavic Languages and Literature at University of Southern California.

MARIJETA BOZOVIC

Assistant Professor of Slavic Languages and Literature at Yale University.

OKSANA BULGAKOWA

Professor at Johannes Gutenberg-Universität Mainz, Institut für Film-, Theater- und empirische Kulturwissenschaft.

ANDREI DOBRITSYN

Maître d'enseignement et de recherche at Université de Lausanne.

ALEXANDER DOLININ

Professor Emeritus of Slavic Languages and Literature at University of Wisconsin–Madison.

MIKHAIL EPSTEIN

Samuel Candler Dobbs Professor of Cultural Theory and Russian Literature at Emory University.

STUART GOLDBERG

Associate Professor of Russian at Georgia Institute of Technology.

VLADIMIR GOLSTEIN

Associate Professor of Slavic Studies at Brown University.

MIKHAIL GRONAS

Associate Professor of Russian at Dartmouth College.

AAGE A. HANSEN-LÖVE

Professor Emeritus of Slavic Philology at Ludwig-Maximilians-Universität München.

LEONID HELLER

Professor Emeritus in Section de langues et civilisations slaves at Université de Lausanne.

DENNIS IOFFE

University Lecturer at Ghent University and Research Fellow at University of Amsterdam.

YURI LEVING

Professor of Russian Literature and Film at Dalhousie University.

MARCUS LEVITT

Professor Emeritus of Slavic Languages and Literatures at University of Southern California.

MARK LIPOVETSKY

Professor and Chair in the Department of Germanic and Slavic Languages and Literatures at University of Colorado–Boulder.

IGOR MEL'ČUK

Professeur titulaire et émérite at Université de Montréal.

MICHAEL MEYLAC

Professeur des universités émérite at Université de Strasbourg.

IGOR NEMIROVSKY

Professor in the Department of Comparative Literature and Linguistics at Higher School of Economics in Saint Petersburg.

BORIS OREKHOV

Associate Professor in the Faculty of Humanities at National Research University, Higher School of Economics.

LADA PANOVA

Visiting Assistant Researcher in Slavic, East European and Eurasian Languages and Cultures at University of California–Los Angeles.

KEVIN M. F. PLATT

Edmund J. and Louise W. Kahn Term Professor in the Humanities and Professor of Russian and East European Studies at University of Pennsylvania.

JOE PESCHIO

Associate Professor of Russian at University of Wisconsin–Milwaukee.

IGOR PILSHCHIKOV

Research Associate Professor in the Institute for World Culture at Lomonosov Moscow State University; Senior Research Fellow at Tallinn University; and Visiting Associate Professor of Slavic, East European and Eurasian Languages and Cultures at University of California–Los Angeles.

SARAH PRATT

Vice Provost for Graduate Programs and Professor of Slavic Languages and Literatures at University of Southern California.

OLEG PROSKURIN

Visiting Associate Professor of Russian at Emory University.

BARRY P. SCHERR

Professor Emeritus of Russian at Dartmouth College.

WOLF SCHMID

Professor Emeritus of Slavic Literature at Universität Hamburg.

ANDREAS SCHÖNLE

Professor of Russian at Queen Mary University of London.

THOMAS SEIFRID

Professor and Chair in the Department of Slavic Languages and Literatures at University of Southern California.

IGOR P. SMIRNOV

Professor Emeritus of Slavic Literature at Universität Konstanz.

GALIN TIHANOV

George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London.

BORIS USPENSKY

Professor Emeritus of Russian Literature at Università degli Studi di Napoli “L’Orientale” and Professor of Philology at National Research University, Higher School of Economics.

ILYA VINITSKY

Professor of Slavic Languages and Literatures at Princeton University.

RONALD VROON

Professor and Chair in the Department of Slavic, East European and Eurasian Languages and Cultures at University of California–Los Angeles.

MICHAEL WACHTEL

Professor of Slavic Languages and Literatures at Princeton University.

WILLEM G. WESTSTEIJN

Professor Emeritus of Slavic Studies at University of Amsterdam.

FREDERICK H. WHITE

Associate Vice President, Engaged Learning and Professor of Russian at Utah Valley University.

ALEKSEY YUDIN

Professor of Russian at Ghent University.

ANDREI ZORIN

Professor and Chair of Russian at University of Oxford; Professor at Moscow School of Higher Social and Economic Sciences (“Shaninka”)

Acknowledgments

The editors of this volume would like to thank the forty extraordinary scholars who contributed articles. The breadth of interests and the quality of scholarship on display in their work makes for a fitting celebration of our honoree's scholarly and literary contributions. The Department of Slavic Languages and Literatures at University of Southern California and the Office of Research at University of Wisconsin—Milwaukee provided generous support to cover publication costs, as did a number of the contributors: Anthony Anemone, David Bethea, John Bowlt (and the Institute of Modern Russian Culture), Marijeta Bozovic, Alexander Dolinin, Mikhail Epstein, Mikhail Gronas, Mark Lipovetsky, Kevin Platt, and Barry Scherr. Finally, we would like to thank Igor Nemirovsky, Oleh Kotsyuba, and Kira Nemirovsky at Academic Studies Press, as well as Faith Wilson-Stein and our heroic copy editor, Marlyn Miller.

АЛЕКСАНДР ЖОЛКОВСКИЙ:

От жизни логоса к логосу жизни

В классической, вошедшей во все антологии русского формализма статье «Литература и биография» (1923) Борис Томашевский выделил два типа писателей. У одних есть только «житейская биография», никому, кроме них самих, не интересная, другие пишут «в расчете на то, что их жизнь будет постоянным экраном для их произведений». Но жизнь «писателя с биографией» — это «не послужной список и не следственное дело», а «творимая автором легенда его жизни»¹. Так автор становится персонажем собственной биографической легенды.

То же, по-видимому, можно сказать и об исследователях: они бывают «с биографией» и «без». Александр Жолковский — исследователь с биографией и даже не с одной, а с несколькими, взаимосцепленными — научной, литературной и личной, которые, к тому же, сами стали у него объектом аналитической рефлексии. Вместо того, чтобы пересказывать здесь 39 статей, составивших фestsриффт Жолковскому, мы попытаемся уловить и описать связи между вышеупомянутыми аспектами его биографии. Как известно,

---

¹ Б. Томашевский, «Литература и биография», *Книга и революция* 4 (1923): 6–9. Задолго до Томашевского аналогичное различие ввел Альберт Швейцер, противопоставивший в своей книге о Бахе два типа композиторов (а также писателей и художников): у одних творчество как бы существует отдельно от их повседневной жизни (Бах), у других же творчество, наоборот, тесно переплетается с личной биографией и без биографии непонятно (Бетховен) (см.: А. Швейцер, *Иоганн Себастьян Бах*, пер. Я.С. Друскина [М.: Музыка, 1965], 5). Томашевский, скорее всего, знал эту знаменитую книгу Швейцера, впервые вышедшую по-немецки в 1908 году.

одним из важнейших научных достижений юбиляра стала модель «Смысл ↔ Текст», разработанная им с коллегами в 1960-е годы. Траектория творческой жизни героя нашей книги прочерчивается от ранних работ по лингвистике и поэтике (изучение «жизни логоса», т.е. способов бытования смысла в тексте) к позднейшим виньеткам, в которых методы лингвопоэтического анализа применены автором к собственному биографическому тексту (постижение «логоса», т.е. смысла жизни). Этим объясняется заглавие нашей статьи.

Как сказано в остроумной аннотации к недавней книге Жолковского «Напрасные совершенства и другие виньетки», их автор «разбирает свою жизнь с помощью тех же приемов, которые раньше применял к анализу чужих сочинений»². Действительно, в нарративной стратегии «Напрасных совершенств» реализованы аналитические интенции, напоминающие об исследовательских установках Жолковского. Это, в частности, предельная — на грани деконструкции — радикализация общего смыслового послания и скрупулезная «детализация» анализируемого объекта (литературного текста или собственного ежедневного бытия), разложение его на составляющие конструктивные (↔ смысловые) элементы.

В интервью, последовавшем за публикацией указанной книги (в списке работ автора, вышедших отдельным изданием, она числится за номером 30)³ Жолковский согласился, что вопрос о соотношении его «мемуаристской маски» с его же «литературоведческой программой» заслуживает внимания. Объединяет их «желание быть верным каким-то установкам на правду, новизну, независимость»⁴. Различие состоит в том, что филологическая ипостась претендует на серьезность, доказательность, научность, в то время как «виньетистская пользуется правом на провокацию, игру, даже безответственность»⁵. В этом Жолковский неожиданно близок к Михаилу Гаспарову⁶: Гаспаров

2 Дмитрий Быков, [аннот. к кн.]: Александр Жолковский, *Напрасные совершенства и другие виньетки* (М.: АСТ, 2015).

3 <http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/knigi.htm> (accessed April 22, 2017).

4 Александр Жолковский, «К роману меня совершенно не тянет», *Лехаим* 283 (4 ноября 2015), <http://old.lechaim.ru/6466> (accessed April 22, 2017).

5 Там же.

6 27 февраля 1988 г. Гаспаров писал Жолковскому: «Наша с Вами некороткая близость (это ведь лучше, чем неблизкая короткость?) — это такое шило, которого все равно в мешке не утаишь» («Знакомых мертвецов живые разговоры...»: Семь писем М.Л. Гаспарова», Публикация и комментарии

всегда четко противопоставлял позитивистскую и структуралистскую научность постмодернистскому творчеству — искусству, выдающему себя за науку⁷, но «широким читательским массам» стал известен «Записями и выписками», в которых позволил себе всё, чего не позволял в научных книгах и статьях.

Александр Константинович Жолковский (для всех его знающих — только и исключительно Алик, и никакая возрастная разница тут не помеха) родился в Москве в один из самых страшных годов российской истории — 1937-й. Но молодость Жолковского пришлась на годы оттепельного энтузиазма, и исходной основой его жизнеощущения было «шестидесятничество»⁸. Однако этот «набор политических, эстетических и культурных установок», воплощением которого в гуманитарных штудиях стал исследовательский этос послевоенного структурализма, у Жолковского постепенно трансформировался в сторону «более богатой, плюральной, гибкой» модели — как в жизни, так и в науке⁹.

В анналах славистики Жолковский приписан к структурно-семиотическому ее направлению, но в этой сфере он уже полвека с лишним бытует на правах «экстремиста», «аутсайдера», «раскольника» и «диссидента» (его собственные слова)¹⁰. А свою исследовательскую программу он определил как «пред-пост-структуралистскую» (pre-post-structuralist), впоследствии пояснив, что «громоздкое „пред-пост-“ может значить как „до-пост-“, так и „прото-пост-“»¹¹.

А.К. Жолковского, *М.Л. Гаспаров. О нем. Для него*, под ред. М. Тарлинской и М. Акимовой [М.: НЛО, 2017], 293).

7 М. Л. Гаспаров, *Записи и выписки* (М.: НЛО, 2001), 110.

8 Александр Жолковский, “«Автор — персонаж, и из самых уязвимых»,» *Еврейское слово* 32/255 (2005), цит. по: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/inter/evr.htm> (accessed April 23, 2017).

9 Там же. Вряд ли, однако, это движение можно описывать как переход «от тотальной систематизации — к радикальной плавучести смыслов» (Вячеслав Курицын, *Русский литературный постмодернизм* [М.: О.Г.И., 2000], 181).

10 Alexander Zholkovsky, “автобио”, <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/avtob.htm> (accessed April 24, 2017), <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/avtob/> (accessed April 24, 2017). А.К. Жолковский, “Ж/З-97: I. Ж/З: Заметки бывшего пред-пост-структуралиста (1991); II. Маргиналии аутсайдера (1997)”, С.Ю. Неклюдов (сост., ред.), *Московско-тартуская семиотическая школа: История, воспоминания, размышления* (М.: ЯРК, 1998), 179, 183 и др.

11 Там же, 175, 175n1.

На структуралистскую и нонконформистскую стезю Жолковский ступил с того момента, когда, окончив в 1959 году филфак МГУ с выговором в личном деле, был тем не менее по протекции Вяч. Вс. Иванова принят в руководимую Виктором Розенцвейгом Лабораторию машинного перевода при Институте иностранных языков (МГПИИЯ)¹². Жолковский успел оставить след во всех главных событиях структуралистского Sturm-und-Drang'a 60-х годов. Он — участник и один из хронистов легендарного совещания в Горьком, посвященного применению математических методов к изучению языка художественной литературы (1961)¹³, участник московского Симпозиума по структурному изучению знаковых систем (1962)¹⁴, сборника-манифеста «Структурно-типологические исследования», вышедшего под эгидой Сектора структурной типологии славянских языков Института славяноведения (1962)¹⁵, полемики о структурализме и семиотике в журнале «Вопросы литературы» (1965–1971)¹⁶.

Совместно со старшим другом и коллегой Игорем Мельчуком Жолковский разработал модель естественного языка «Смысл ↔ Текст»¹⁷, а вместе с другим своим постоянным соавтором Юрием Щегловым (1937–2009) — сходную модель художественного

12 Там же, 175n2; Idem, «Смерть В.Ю. Розенцвейга» [декабрь 1998], *Звезда* 4 (2000): 208; Idem, *Напрасные совершенства*, 98.

13 См.: А.К. Жолковский, «Совещание по изучению поэтического языка: (Обзор докладов)», *Машинный перевод и прикладная лингвистика* 7 (1962): 88–101.

14 Idem, «О моделировании языкового поведения слушателя музыки», Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: *Тезисы докладов* (М.: Изд-во АН СССР, 1962), 135–137.

15 Idem, «Об усилении», Т.Н. Молошная (отв. ред.), *Структурно-типологические исследования* (М.: Изд-во АН СССР, 1962), 167–171.

16 А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, «Структурная поэтика — порождающая поэтика», *Вопросы литературы* 1 (1967), 74–89. В полемике участвовали Валериан Кожин, Исаак Ревзин, Юрий Лотман, Мирсаид Сапаров, Леонид А. Коган, Вячеслав Вс. Иванов, Валентин Зарецкий и др. Академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР Михаил Храпченко «закрыв» дискуссию, напечатав в «Вопросах литературы» двухчастную статью «Семиотика и художественное творчество» (1971, №№ 9 и 10), в которой поставил семиотику на службу официальному марксизму.

17 См.: А.К. Жолковский, И.А. Мельчук, «О семантическом синтезе», *Проблемы кибернетики* (М.: Физматгиз, 1967), 19: 177–238; и работы, перечисленные в статье Игоря Мельчука в настоящем сборнике.

произведения «Тема ↔ Текст»¹⁸. В этих моделях описание глубинной и поверхностной структуры языка *resp.* текста строится в виде многоступенчатого *вывода* «формы» из «содержания» на основе стандартных операций (в художественном тексте — *приемов выразительности*). Генеративный подход воспринимался как отклонение от основных направлений структурно-семиотических исследований, которое само воспринималось как отклонение от единственно верной марксистско-ленинской лингвистики (whatever that is) и единственно верной марксистско-ленинской эстетики (whatever that might be). Мельчук, Жолковский и Щеглов оказались диссидентами «в квадрате».

В 1968 году Жолковский закончил новаторскую диссертацию по синтаксису языка сомали (в то время еще бесписьменного), выполненную в рамках модели «Смысл ↔ Текст». Назначенная защита была «отложена на неопределенный срок», когда выяснилось, что ее автор фигурирует в числе «подписантов» письма в поддержку арестованных диссидентов Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова, обвиненных в подготовке «Белой книги» по делу писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля¹⁹. Тем не менее «полугодом позже, весной 1969 г., благодаря поддержке коллег, защита диссертации все же состоялась (оппонировали А.А. Зализняк и А.Б. Долгопольский) — единственная успешная защита кандидатской диссертации диссидентом-гуманитарием! — и степень была утверждена ВАКом»²⁰. Вскоре под

18 См.: А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, *Математика и искусство (поэтика выразительности)* (М.: Знание, 1976); Idem, *Поэтика выразительности: Сборник статей* (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 2) (Wien, 1980); *Russian Literature* 11.1 (1982), special issue: Developments of the Theory of Literature II; Alexander Zholkovsky, *Themes and Texts: Toward a Poetics of Expressiveness*, foreword by Jonathan Culler (Ithaca — London: Cornell University Press, 1984); Yuri Scheglov and Alexander Zholkovsky, *Poetics of Expressiveness: A Theory and Applications (Linguistic & Literary Studies in Eastern Europe 18)*, Introduction, Glossary, Index, Bibliography and general editing by Alexander Zholkovsky (Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1987); А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, *Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приемы — Текст* (М.: Прогресс, 1996); Idem, *Ex ungue leonem: Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности* (М.: НЛО, 2016); и др.

19 *Хроника текущих событий* 5 (31 декабря 1968), 91. <http://hr2.memo.ru/w/images/c/c8/Hr5.pdf> (accessed April 25, 2017).

20 Zholkovsky, “автобио”.

грифом Института языкознания АН СССР вышла основанная на диссертации монография²¹.

В 1974 году началась новая волна гонений на инакомыслящих, озаменованная, в частности, высылкой Солженицына из СССР. Жолковский был уволен из ИнЯза. Последние годы перед эмиграцией он работал в группе автоматического перевода Юрия Апресяна. Группа, также развивавшая модель «Смысл ↔ Текст», базировалась в отраслевом институте «Информэлектро» — одном из немногих, куда брали на службу политически неблагонадежных. На новой работе Жолковский, по его позднему признанию, был поглощен исключительно собственными научными интересами, к тому времени практически полностью сместившимися в область формальной поэтики²². Одновременно он организовал у себя на квартире домашний семинар по поэтике, который, по характеристике М.Л. Гаспарова, «был одним из маленьких центров неофициальной науки в неблагоприятные для нее годы»²³. За три с половиной года (1976–1979) состоялось 45 заседаний²⁴. Регулярными участниками семинара были москвичи Михаил Гаспаров, Елеазар Мелетинский, Ирина Семенко, Юрий И. Левин, Юрий Щеглов, Юрий Фрейдин, Татьяна Цивьян, Татьяна М. Николаева, Ольга Седакова, Ольга Ревзина и др., приезжали гости из других городов — Ленинграда, Риги и Тарту (в том числе Борис Гаспаров и Юрий Лотман) и даже иностранцы, да еще какие — например, Кирилл Тарановский и Хенрик Баран.

Между тем ряды редели: участники семинара один за другим отправлялись на ПМЖ за границу, большинство — по вымышленной причине воссоединения с несуществующими родственниками в Израиле, до которого, однако, добрались немногие. Летом 1979 года настала очередь самого организатора семинара. «Утомленный истеблишментом и антиистеблишментом почти в равной мере, я

21 А.К. Жолковский, *Синтаксис сомали (Глубинные и поверхностные структуры)* (М.: Наука, 1971).

22 А.К. Жолковский, «Из истории вчерашнего дня», К.Ю. Рогов (ред.-сост.), *Семидесятью как предмет истории русской культуры (Россия/Russia 1[9])* (М.: О.Г.И., 1998), 145, 148. Заглавие цитируемой статьи пародирует название неоконченной повести Льва Толстого «История вчерашнего дня».

23 М.Л. Гаспаров, «Семинар А.К. Жолковского — Е.М. Мелетинского: Из истории филологии в Москве 1970–1980-х гг.», *Новое литературное обозрение* 77 (2006): 113.

24 Там же, 113–125; Жолковский, «Ж/З–97», 205.

эмигрировал», полушутя замечает Жолковский и вполне серьезно добавляет: «Самой общей и очевидной причиной эмиграции среди деятелей структурно-семиотического направления была, конечно, их идеологическая несовместимость с советским режимом, обострявшаяся по мере ужесточения официальной линии»²⁵.

В Израиль он не поехал.

По инициативе Тойна ван Дейка и Яна ван дер Энга Жолковский был приглашен в Амстердамский университет, где в течение семестра добросовестно представлял восточноевропейский структурализм. В аннотации к англоязычному изданию работ Жолковского и Щеглова по поэтике выразительности, вышедшему в серии «Linguistic & Literary Studies in Eastern Europe» амстердамского издательства John Benjamins²⁶, эта книга преподнесена как «the work of two major representatives of the so-called Moscow-Tartu school»²⁷. Надо полагать, при взгляде извне схизма выглядела как спор о нюансах.

Своим учителем Жолковский неизменно называет Вячеслава Всеволодовича Иванова, но с красноречивой оговоркой в скобках: «несмотря на многократные мои с ним расхождения»²⁸. Такой же запутанный клубок притяжения и отталкивания характеризует взаимоотношения Жолковского с другим лидером московско-тартуской семиотической школы — Юрием Лотманом²⁹. Более конвенционально-успешно сложился его диалог с патриархом мирового структурализма Романом Якобсоном, который неформально посодействовал обретению новоиспеченным эмигрантом первого постоянного места работы в Америке: как вспоминает Жолковский, «его [Якобсона] закулисный положительный отзыв („Надеюсь, в Корнелле на этот раз не упустят удачной возможности“, по-видимому, с намеком на неудачу со взятием туда Мельчука тремя годами раньше) сыграл свою роль в получении мною заветной tenure»³⁰.

25 Жолковский, “Ж/Z-97”, 183n14, 163n15.

26 Shcheglov and Zholkovsky, *Poetics of Expressiveness* (см. выше, примеч. 18).

27 *New Book Information* (John Benjamins Publishing Company, 1987). Теперь и на сайте издательства: <https://benjamins.com/#catalog/books/llsee.18/main> (accessed April 26, 2017).

28 Zholkovsky, “автобио”.

29 Жолковский, “Ж/Z-97”, 195 и далее.

30 А.К. Жолковский, “Роман Осипович Якобсон: (Из мемуарных заметок)”, *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования*, отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин (М.: РГГУ, 1999), 275.

С 1980 года жизненная и научная судьба Жолковского тесно связана с Северной Америкой. Начав новосветскую карьеру в Корнеллском университете и вскоре став там «полным» профессором и заведующим кафедрой, в 1983-м он внезапно покинул Лигу плюща и перешел в Университет Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе (USC), где до сей поры продолжает трудиться в составе уникальной научно-преподавательской группы, возглавляемой ныне любимым учеником и последователем Жолковского Томасом Зиффридом. Жолковский немало поспособствовал тому, чтобы Отделение славянских языков и литератур Университета Южной Калифорнии стало одной из ведущих славистических докторантур в США. Именно в «американский период» Жолковский написал и опубликовал абсолютное большинство своих книг и статей. С этой точки зрения его биография представляет прямую противоположность личным историям американских «профессоров-эмигрантов» от креативной славистики, например, Евгения Евтушенко и Василия Аксенова, но отчасти напоминает путь Иосифа Бродского.

Быстро адаптировавшись в новой для себя среде, Жолковский начал активно печататься по-английски. Собственно, его первые англоязычные статьи были опубликованы в ведущих международных теоретико-литературных журналах еще в предотъездные 1978–79 гг.³¹ В 1984 году в издательстве Корнеллского университета вышла книга Жолковского «Themes and Texts», предваренная предисловием его коллеги по Корнеллу, знаменитого литературоведа-теоретика Джонатана Каллера³². В 1987 году в Амстердаме увидела свет вышеупомянутая монография Жолковского и Щеглова «Poetics of Expressiveness». В 1994 году в издательстве Стэнфордского университета вышла еще одна

31 См.: A.K. Zholkovsky, “The Literary Text — Thematic and Expressive Structure: An Analysis of Pushkin’s Poem «Ya vas lyubil...»”, tr. by L.M. O’Toole, *New Literary History* 9.2 [Soviet Semiotics and Criticism: An Anthology] (1978): 263–278; Ju.K. Shcheglov and A.K. Zholkovskij, “The Poetic Structure of a Maxim by La Rochefoucauld: An Essay in Theme ↔ Text Poetics”, *PTL: A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature* 3 (1978): 549–592; A.K. Žolkovskij, “How to Show Things with Words: On the Iconic Representation of Themes by Expression Plane Means”, *Poetics* 8.4 (1979): 405–430. Ср.: «<В „Информэлектро“> AZ не делает совсем ничего и, готовясь к отъезду <...>, пишет и печатает за границей статьи по поэтике» (Жолковский, “Из истории вчерашнего дня”, 145).

32 См. примеч. 18.

англоязычная книга Жолковского, озаглавленная «Text Counter Text»³³. Перед Жолковским стоял выбор: либо стать двуязычным автором, как Бродский, либо, подобно Набокову, полностью перейти на английский.

Кажется, дилемма решила сама собой: советский строй оказался менее долговечным, чем предполагалось. В эмиграцию уезжали навсегда, а оказалось, что на время (сейчас, наоборот, многие уезжают на время — как бы не оказалось, что навсегда). Перестройка открыла границы, и с 1988 года недавний эмигрант начинает ежегодно наведываться на «историческую родину», регулярно печатается и в США, и в России. Главные предметы его интереса — «новая и новейшая» русская литература: русский модернизм первой трети XX столетия, понимаемый расширительно, т.е. включая постсимволизм, авангард и близкие к ним течения послереволюционного искусства (Пастернак, Замятин, Бабель, Зощенко), и литераторы-современники (Василий Аксёнов, Фазиль Искандер, Булат Окуджава, Эдуард Лимонов, Саша Соколов)³⁴. Из классиков — Пушкин и Лев Толстой. Главный объект изучения — поэтика малых жанров (стихотворение, рассказ, новелла); тематические инварианты, приемы выразительности, интертексты. Узнаваемая исследовательская манера — стремление показать специфику авторской поэтики, взяв для разбора одно, и притом короткое произведение; обнаружение общей темы или общего приема в двух или нескольких

---

33 Alexander Zholkovsky, *Text Counter Text: Rereadings in Russian Literary History* (Stanford: Stanford University Press, 1994). В названии книги обыгрывается музыкальный термин *punctum contra punctum* 'контрапункт', буквальным переводом которого является заглавие романа Олдоса Хаксли «Point Counter Point».

34 Что касается книг, то помимо изданий, перечисленных в примеч. 18 и 33, см. также: А.К. Жолковский, *Блуждающие сны и другие работы* (М.: Наука — Восточная литература, 1994); Александр Жолковский, Михаил Ямпольский, *Бабель/Babel* (М.: Carte blanche, 1994); Александр Жолковский, *Инвенции* (М.: Гендальф, 1995); Idem, *Михаил Зощенко: поэтика недоверия* (М.: ЯРК, 1999); Idem, *Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты* (М.: РГГУ, 2005); Idem, *Полтора рассказа Бабеля: «Юи де Мопассан» и «Справка/Гонорар»: Структура, смысл, фон* (М.: Комкнига [URSS], 2006); Idem, *Очные ставки с властителем: Статьи о русской литературе* (М.: РГГУ, 2011); Idem, *Новая и новейшая русская поэзия* (М.: РГГУ, 2009); Idem, *Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты* (М.: НЛО, 2011); Idem, *Поэтика за чайным столом и другие разборы* (М.: НЛО, 2014); и др.

хорошо известных, но никогда не сопоставлявшихся произведениях. Исследовательские симпатии — на стороне тех, кто «существенно связан с нарушением условностей, новаторством, сознательным или невольным подрывом литературного истеблишмента и в этом смысле с „революцией“»³⁵. Исследовательские антипатии обращены против некритичного восприятия литературных текстов под диктовку установившегося канона³⁶. Жолковскому присущ антидогматизм, неприятие всех форм авторитарности и монологизма, как официозных, так и оппозиционных. Многим это не нравится.

Через несколько лет Жолковский сделал еще один крутой поворот и выступил в новой, писательской ипостаси: он начал создавать художественные тексты, в которых «бывший теоретик Ж. оказывается автором мета-новелл о профессоре З.»³⁷, и записывать анекдоты из собственной жизни, превращая автобиографию в открытую серию мемуарных новелл-виньеток. В 1991 году вышел сборник рассказов «НРЗБ», немедленно сделавший автора одним из столпов русского литературного постмодерна, а в 2000-м, — первая порция виньеток (с тех пор год за годом появляются новые)³⁸.

Предисловие к «НРЗБ» написал Василий Аксёнов, давший книге краткое жанровое определение: «Жолковский по сути дела создает уникальный жанр творческого письма на грани беллетристики и структурального анализа»³⁹. Здесь не место рассуждать о сходствах и различиях между поэтикой и стилистикой обоих писателей, но нельзя не вспомнить об одном примечательном событии. Произошло оно пять лет назад. Два рассказа Жолковского, давным-давно опубликованные, но сохранившиеся у Аксёнова в машинописи, едва не были напечатаны под именем автора «Победы»

35 Жолковский, *Инвенции*, 123.

36 Ср.: Idem, «К переосмыслению канона: советские классики-нонконформисты в постсоветской перспективе», *Новое литературное обозрение* 29 (1998): 55–68.

37 Жолковский, «Ж/Z–97», 190.

38 Александр Жолковский, *НРЗБ: Рассказы* (М.: Библиотека альманаха «Весы», 1991); Idem, *Мемуарные виньетки и другие non-fictions* (СПб.: Журнал «Звезда», 2000); Idem, *Эросипед и другие виньетки* (М.: Водолей Publishers, 2003); Idem, *НРЗБ: [рассказы]. Allegro mafioso: [виньетки]* (М.: О.Г.И., 2005); Idem, *Звезды и немного нервно: Мемуарные виньетки* (М.: Время, 2008); Idem, *Напрасные совершенства и другие виньетки* (М.: АСТ, 2015); Idem, «На грани» и другие виньетки», *Новый мир* 2 (2017): 124–147; и др.

39 В. Аксёнов, «Профессор Зет среди Иксов и Игреков», Жолковский, *НРЗБ*, 3. Подпись: Vassily Aksyonov.

и «Затоваренной бочкотары», причем приписал чужие рассказы Аксёнову его литературный душеприказчик⁴⁰, считающий себя, хоть и чересчур самонадеянно, знатоком аксёновского стиля. К огромному сожалению будущих историков литературы, Жолковский случайно узнал о готовящемся обнародовании своих произведений под маркой «шедевров зрелого Аксенова» и, вмешавшись, рассеял мрак заблуждения. В последний момент целый номер известного литературного журнала был переверстан — из него были исключены рассказы, кои, по словам незадачливого публикатора, оказались столь хороши, что «могли бы украсить самую взыскательно составленную антологию этого жанра». Публикация, увы, не состоялась, но зато стала сюжетной пуантой мемуарной виньетки⁴¹.

Жолковский пробует себя в двух разных жанрах. Рассказы в *НРЗБ* — это fiction, но с достоинствами нехудожественных разборов литературных текстов. Мемуарные виньетки — это non-fiction, но с художественными достоинствами⁴².

Нрзб (текстологическая помета, известная, кажется, только филологам, читающим разделы черновых редакций академических собраний сочинений) — это то, что в тексте должно быть, но чего в нем фактически нет, поскольку «оно» Н<е> Р<а>З<о>Б<рано>, т.е. не прочитано. В неразобранный фрагмент можно «вчитать» всё, что пожелает интерпретатор. В «НРЗБ» функцию «вчитывания» выполняют разборы текстов, которые Жолковский от своего имени делать не захотел, а «передоверил <...> профессору Зет своих рассказов»⁴³.

Виньетка — это то, чего в тексте нет, но что должно быть если не в нём, то рядом с ним. В хороших старых книгах виньетка — почти обязательный элемент оформления. Она изображает либо то, что в тексте есть, либо то, что в нём подразумевается. Находится она, как правило, не в тексте, а рядом — до него или перед ним. Иногда она не менее важна, чем сам текст.

40 По совместительству поэт и литературовед — Виктор Есипов.

41 Александр Жолковский, «Быть знаменитым...: 1. Being Vasilii Pavlovich; 2. Пятнадцать минут славы», *Звезда* 11 (2012): 212–217; также в его кн.: *Поэтика за чайным столом и другие разборы* (М.: НЛО, 2014), 723–730. О пуантах см.: Idem, «Оппоненты и пуанты», в его кн. *Напрасные совершенства*, 178–179.

42 Об этих жанрах см. статью Виллема Вестстейна в настоящем сборнике.

43 М.Л. Гаспаров, «Взгляд из угла», *Новое литературное обозрение* 3 (1993): 47.

У этого слова есть и переносное значение. «Слово „виньетка“ как описание словесного жанра богаче развито в английском языке, — поясняет Жолковский. — Когда по-английски рассказывается или записывается что-то нецентральное, неглавное, необязательное, развлекательное, изящное, то это — „vignette“. По-русски же я в этом отношении более или менее новатор»⁴⁴. Но маргинальность и периферийность не означают нерелевантности. Жолковскому нравится максима Уайтхеда о том, что вся европейская философия — это заметки на полях Платона, т.е. комментарий к Платону. Точно так же литературоведение — это маргиналии на полях чужих текстов и комментарии к ним, а виньетки — маргиналии на полях текста собственной жизни и комментариев к нему. Без комментария текст герметизируется и теряет смысл. Попросту говоря, без комментария нет смысла.

По свидетельству Лидии Гинзбург, «Шкловский утверждает<л>, что каждый порядочный литературовед должен, в случае надобности, уметь написать роман»⁴⁵. «Но к роману меня совершенно не тянет», — парирует Жолковский, оттачивающий мастерство в малых жанрах. «Я ведь и в литературоведческой своей ипостаси предпочитаю разбирать короткое — каламбуры, максимы, стихи, новеллы»⁴⁶. В одной из своих недавних книг⁴⁷ он дал заглавия всем ее разделам, эксплицитно описав свой жанровый репертуар: «силуэты»⁴⁸, «эссе и разборы», «разборки»⁴⁹, «виньетки», «фикшн». В новейшем сборнике «Выбранные места, или Сюжеты разных лет» (М.: КоЛибри, 2016) автор вновь объединил под одной обложкой fiction and non-fiction, Dichtung und Wahrheit.

44 Жолковский, ««Автор — персонаж, и из самых уязвимых»» (см. выше примеч. 8).

45 Лидия Гинзбург, *Человек за письменным столом* (Л.: Советский писатель, 1989), 34.

46 Жолковский, ««К роману меня совершенно не тянет»» (см. выше примеч. 4).

47 Александр Жолковский, *Осторожно, треножник!* (М.: Время, 2010). «Осторожно» — потому что треножник *колеблется* («...колеблет твой треножник» — цитата из стихотворения Пушкина «Поэту», использованная в заглавии двух литературно-публицистических эссе: «Колеблемый треножник» Ходасевича и «...Колеблет твой треножник» Солженицына).

48 Жанровое определение отсылает к заглавию известной книги Юлия Айхенвальда «Силуэты русских писателей».

49 Т.е. полемика (*разборка* [жарг.] — ‘выяснение отношений с враждебной группировкой’; *полемика* — ‘научный или философский спор’, от греч. *πολεμικά* ‘военные упражнения’).

Шкловский назвал бы такую книгу «кентавром».

«Нахально литературный» заголовок «Выбранные места»⁵⁰ пародирует название книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»⁵¹, подзаголовок «Сюжеты разных лет» — типовое заглавие «Работы/Рассказы/[etc.] разных лет». Подзаголовок подсказывает, что общего между литературой и биографией: и у той, и у другой есть сюжет.

Свести воедино пестрый набор материалов автора побудило, по его словам, само название серии, в которой вышла книга, — «Персона». Разнородные работы объединены *персоной*, личностью пишущего («писателя с биографией» по классификации Томашевского).

М.Л. Гаспаров заметил, что хотя Жолковскому и не чужда «постструктуралистская игра мысли», она у него «осознанна и допустима только на фоне структуралистской строгости»⁵². Жолковский как никто другой осознаёт «прискорбную, но неустранимую неустойчивость гуманитарного дискурса, обреченного колебаться между крайностями науки и искусства»⁵³. Однако в новейшем переиздании своих совместных с Ю.К. Щегловым трудов о поэтике детских рассказов Толстого он с легким сердцем признаётся, что всегда был и остается последовательным структуралистом:

В изложении своих более поздних <...> работ соавторы перестали выпячивать теоретическую арматуру своих исследований, убрали ее в подмалевок, спрятали в подтекст, закатали в фундамент, но не переставали тайно пользоваться этой таблицей умножения для получения неплохих, как выясняется, результатов. Но длить это сокрытие не кажется мне

50 Автохарактеристика (см.: Александр Жолковский, ««Летним днем»: Эзоповский шедевр Фазиля Искандера», Новый мир 4 [2015]: 179).

51 Ср. у него же: «Выбранные места из переписки с Хемингуэем», в его кн. *Мемуарные виньетки и другие non-fictions*, 32–35; Alexander Zholkovsky, «Rereading Gogol's Miswritten Book: Notes on Selected Passages from Correspondence with Friends», Susanne Fusso and Priscilla Meyer (eds.), *Essays on Gogol: Logos and the Russian Word* (Evanston, Ill.: Northwestern Univ. Press, 1992), 172–184, also in his *Text Counter Text*, 17–34.

52 М. Л. Гаспаров, «Предисловие», А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, *Работы по поэтике выразительности*, 8.

53 Жолковский, «Ж/Z-97», 190.

уместным. Дело в том, что интеллектуальные моды приходят и уходят, а фундаментальные задачи литературоведения остаются, и можно ожидать возвращения интереса к структуралистским идеям и методам⁵⁴.

В наш постмодернистский век мы уже привыкли, что у каждого читателя «свой Пушкин» и «свой Толстой». Что ж удивляться, что у каждого читателя «свой Жолковский» и у всех он разный. Мы же хотим еще раз подчеркнуть его многоликую творческую самобытность, которая, надеемся, хотя бы отчасти отразилась в собранных здесь подношениях (*oblata*). Она же предрасположила авторов и соредакторов к выбору основного ПВ (приема выразительности), использованного в этой книге — ВАРконтр (контрастное ВАРЬИРОВАНИЕ)⁵⁵. Мы не стали насильно упорядочивать это разнообразие, расположив статьи по алфавиту авторов — *от А до Z*.

Вопреки почтенному и полезному обычаю, мы не стали помещать в фештшрифте библиографию юбиляра. Во-первых, она в значительной части доступна у него на сайте⁵⁶. Во-вторых, она очень большая: 35 книг и около 400 статей, не считая переводов и переизданий⁵⁷, плюс интервью и другие газетные материалы, плюс как минимум два-три десятка публикаций, по разным причинам не вошедших в автобиблиографию (тезисы, обзоры, рецензии и пр.). В-третьих, чтобы всё это дать единым библиографическим списком, нужно все публикации проверить *de visu*, а это, как видим, более 500 позиций, причем ранние работы напечатаны в труднодоступных изданиях советского времени (препринты академических институтов, ротاپринтные сборники институтов и университетов etc.). Разыскать всё это можно и нужно, однако требует времени и усердия. Но ничего, к следующему юбилею выпустим отдельной книжкой.

Денис Иоффе, Маркус Левитт, Джо Пешио, Игорь Пильщиков

54 А.К. Жолковский, «От составителя», А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, *Ex ungue leonem*, 6.

55 Ср. Жолковский, Щеглов, «Поэтика выразительности», § I.3 [Темы, предрасполагающие к ПВ] и V [Проведение через разное, или варьирование] (*Ex ungue leonem*, 125, 149 сл.).

56 <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/alikh.htm> (University of Southern California, 2001–...).

57 См. <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/eng/publ.htm> (accessed April 24, 2017).

ALEXANDER ZHOLKOVSKY:

From the Life of Meaning to the Meaning of Life

In his classic article “Literature and Biography” (1923), included in all anthologies of Russian Formalism, Boris Tomashevskii singled out two types of writers. Some of them only have a “life biography” that is merely of interest to the writer him or herself, while others write “in the hope that their life will be a constant canvas for their works”; the life of a “writer with a biography” is “not a curriculum vitae or an investigative case,” but “an author’s legend of his life.”¹ In this case the author becomes the protagonist of his own biographical legend.

The same thing can apparently be said about scholars: there are those “with a biography” and those without. Alexander Zholkovsky is an intellectual figure with biographies, both scholarly and literary, which, moreover, have in turn themselves become an object of his own study. Rather than summarizing the thirty-nine essays comprising this tribute to Zholkovsky, we shall instead attempt here to draw connections between his scholarly, literary, and personal biographies. One of our honoree’s most significant scholarly contributions was the “Meaning ↔ Text”

---

1 Boris Tomashevskii, “Literatura i biografiia,” *Kniga i revoliutsiia* 4 (1923): 6–9. Long before Tomashevskii, Albert Schweitzer drew a similar distinction. In his book on Johann Sebastian Bach he juxtaposed two types of composer (as well as of writer and artist): for the first, creation exists as if apart from everyday life (Bach), for the others—the reverse, art is intimately connected to their personal biography, and incomprehensible apart from it (Ludwig van Beethoven). See Al’bert Shveitser, *Iogann Sebast’ian Bakh*, trans. Iakov S. Druskin (Moscow: Muzyka, 1965), 5. Tomashevskii most likely knew this book, which came out in German in 1908.

(*Smysl* ↔ *Tekst*) model he developed with colleagues in the 1960s. The trajectory of his scholarly and creative work has so far described an arc from his early work in linguistics and poetics (the “life of meaning”) to his later vignettes, in which he endeavors to apply similar methods to his own biographical narrative (the “meaning of life”). Hence our title.

As Dmitrii Bykov writes in his witty blurb for Zholkovsky’s recent book *Pointless Perfections and Other Vignettes*, the author “analyzes his life with the help of the same techniques that he has used to analyze other people’s works.”² And indeed, the narrative strategy of *Pointless Perfections* recalls the principles of Zholkovsky’s own scholarly writing. His radicalization of the overall communicative message and his scrupulous “detailing” of the analyzed object (whether of the literary text or daily existence itself) push his writing to the verge of deconstruction, pull it apart into its constituent (↔ semantic) elements.

In the interview that followed the publication of this book (number thirty on the list of the author’s individually published works),³ Zholkovsky agreed that the question of the relationship between his “mask as a memoirist” and his “research program” deserves attention. The two are united by “the desire to be faithful to certain attitudes toward truth, novelty, independence.”⁴ The difference is that the philological hypostasis strives to be serious, scientific, and based on proof, while the “vignette-icist has the right to provoke, play games, even be irresponsible.”⁵ In this Zholkovsky is unexpectedly close to Mikhail Gasparov,⁶ who always clearly contrasted serious, genuine scholarship with Postmodern creations (that is, with art pretending to be scholarship).⁷ In his book *Records and Extracts*, which

2 Dmitrii Bykov’s blurb on the cover of: Aleksandr Zholkovskii, *Naprasnye sovershenstva i drugie vinetki* (Moscow: AST, 2015).

3 Alexander Zholkovsky book list, accessed April 22, 2017, <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/knigi.htm>.

4 “Aleksandr Zholkovskii: ‘K romanu menia sovershenno ne tianet,’” *Lekhaim* 283, November 4, 2015, accessed April 22, 2017, <http://old.lechaim.ru/6466>.

5 Ibid.

6 On February 27, 1988, Gasparov wrote to Zholkovsky: “Our distanced affinity (isn’t that better than affined distance?) is the kind of awl you can’t hide in a sack [a Russian proverb meaning something very obvious].” (“Znakomykh mertvetsov zhivye razgovory . . . : Sem’ pisem M. L. Gasparova,” compiled and with commentary by Alexander Zholkovsky, in *M. L. Gasparov: O nem; Dlia nego*, ed. Marina Tarlinskaia and Marina Akimova [Moscow: NLO, 2017], 293.)

7 Mikhail L. Gasparov, *Zapisi i vypiski* (Moscow: NLO, 2001), 110.

became known to the “broad mass of readers,” he permitted himself to say everything he was unable to say in his scholarly works.

Alexander Konstantinovich Zholkovsky (for everyone who knows him, no matter who or of what age—Alik) was born in Moscow in one of the most terrifying years of Russian history—1937. He grew up during the exciting years of the Thaw, and in his basic worldview he was a child of the sixties.⁸ However, his set of “political, aesthetic and cultural standards,” which in postwar humanities became embodied in the ethos of Structuralism, gradually evolved in the direction of “a richer, pluralist, more flexible” model—both in life and in scholarship.⁹

In the annals of Slavic studies Zholkovsky is associated with its Structuralist-semiotic branch, but for more than a half century he has remained (in his own words) an “outsider,” an “extremist,” a “heretic,” and a “dissident.”¹⁰ He has defined his research as “pre-poststructuralist,” explaining that “the unwieldy ‘pre-post-’ could refer to both research ‘before poststructuralism’ and ‘proto-poststructuralist’ research.”¹¹

Zholkovsky started off on the Structuralist and nonconformist path from the moment he graduated from MGU’s Philological Faculty with a mark of censure in his record; nevertheless, thanks to the patronage of Viacheslav Vsevolodovich Ivanov, he was accepted into the Laboratory for Machine Translation of the Institute of Foreign Languages (MGPIIIa), which was then run by Victor Rozentsveig.¹² He managed to leave his mark on all of the main events of the Structuralist Sturm und Drang of the sixties. He took part in and chronicled the legendary get-together in Gorky that

8 Aleksandr Zholkovskii, “Avtor—personazh, i iz samykh uiazvimykh,” *Evreiskoe slovo* 32 (255) (2005), accessed April 23, 2017, <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/inter/evr.htm>.

9 Ibid. However, one can hardly describe this movement as a change “from total systematization to radical fluidity of meanings” (Viacheslav Kuritsyn, *Russkii literaturnyi postmodernizm* [Moscow: OGI, 2000], 181).

10 Alexander Zholkovsky, “Avtobio,” accessed April 24, 2017, <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/avtob.htm>; and Zholkovsky, “Avtobio,” *USCDornsife*, accessed April 24, 2017, <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/avtob/>. Aleksandr Zholkovskii, “Zh/Z—97: I. Zh/Z: Zametki byvshego pred-post-strukturalista (1991); II. Marginaliia autsaidera (1997),” in *Moskovsko-tartuskaia semioticheskaia shkola: Istoriia, vospominaniia, razmyshleniia*, ed. Sergei Nekliudov (Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul'tury,” 1998), 179, 183.

11 Zholkovskii, “Zh/Z—97,” 175, 175n1.

12 Zholkovskii, “Zh/Z—97,” 175n2; Zholkovskii, “Smert' V. Iu. Rozentsveiga,” *Zvezda* 4 (2000): 208; Zholkovskii, *Naprasnye sovershenstva*, 98.

was dedicated to using mathematical methods in analyzing poetic language (1961);¹³ participated in the Moscow Symposium on the Structural Analysis of Modeling Systems (1962);¹⁴ and in the manifesto-like collection *Structural-Typological Studies* that came out under the aegis of the Sector of Structural Typology of Slavic Languages of the Institute of Slavic Studies (1962);¹⁵ and in the polemics concerning Structuralism and semiotics in the journal *Voprosy literatury* (1965–71).¹⁶

Together with his friend and older colleague Igor Meľchuk, Zholkovsky developed a model for natural language (“Meaning ↔ Text”),¹⁷ and together with another collaborator Iurii Shcheglov (1937–2009) he created a similar model for artistic texts (“Theme ↔ Text”).¹⁸ In these models the description of the surface and deep structures of the language and of the text

-
- 13 See Aleksandr Zholkovskii, “Soveshchanie po izucheniiu poeticheskogo iazyka (Obzor dokladov),” *Mashinnyi perevod i prikladnaia lingvistika* 7 (1962): 88–101.
- 14 Zholkovskii, “O modelirovanii iazykovogo povedeniia slushatel'ia muzyki,” in *Simpozium po strukturnomu izucheniiu znakovykh sistem: Tezisy dokladov*, ed. Iu. P. Rylyna (Moscow: Izd. AN SSSR, 1962), 135–37.
- 15 Zholkovskii, “Ob usilenii,” in *Strukturno-tipologicheskie issledovaniia*, ed. Tat'iana oloshnaia (Moscow: Izd. AN SSSR, 1962), 167–71.
- 16 Aleksandr Zholkovskii and Iurii Shcheglov, “Strukturnaia poetika—porozhdaiushchaia poetika,” *Voprosy literatury* 1 (1967): 74–89. The debate involved Valerian Kozhinov, Isaak Revzin, Iurii Lotman, Mirsaid Saparov, Leonid A. Kogan, Viacheslav V. Ivanov, Valentin Zaretsky and others. Academician-Secretary of the Division of Literature and Language of the USSR's Academy of Sciences Mikhail Khrapchenko “closed” the discussion by publishing a two-part article, “Semiotics and Artistic Creativity,” in *Voprosy literatury*, nos. 9–10 (1971) that declared semiotics to be in the service of official Marxism.
- 17 See Aleksandr Zholkovskii and Igor Meľchuk, “O semanticheskom sinteze,” in *Problemy kibernetiki* (Moscow: Fizmatgiz, 1967), 19:177–238; and the works listed in Igor Meľchuk's article in the present collection.
- 18 See Aleksandr Zholkovskii and Iurii Shcheglov, *Matematika i iskusstvo (poetika vyrazitel'nosti)* (Moscow: Znanie, 1976). Aleksandr Zholkovskii and Iurii Shcheglov, *Poetika vyrazitel'nosti: Sbornik statei*, Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 2 (Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 1980); “Developments of the Theory of Literature II,” special issue, *Russian Literature* 11, no. 1 (1982); Alexander Zholkovsky, *Themes and Texts: Toward a Poetics of Expressiveness*, foreword by Jonathan Culler (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1984); Yuri Shcheglov and Alexander Zholkovsky, *Poetics of Expressiveness: A Theory and Applications*, intro., glossary, index, biblio. and ed. Alexander Zholkovsky, Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe 18 (Amsterdam: John Benjamins, 1987); Aleksandr Zholkovskii and Iurii Shcheglov, *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty—Tema—Priemy—Tekst* (Moscow: Progress, 1996); Zholkovskii and Shcheglov, *Ex ungue leonem: Detskie rasskazy L. Tolstogo i poetika vyrazitel'nosti* (Moscow: NLO, 2016); and others.

are constructed as multistep derivations of the “form” from the “content” on the basis of standard operations (in an artistic text, via “expressive devices”). This generative approach was perceived as a deviation from the only acceptable principles of Marxist-Leninist linguistics (whatever those were!) and from the only acceptable principles of Marxist-Leninist aesthetics (whatever those might be!). Mel’chuk, Zholkovsky, and Shcheglov turned out to be unregenerate dissidents.

In 1968 Zholkovsky finished an innovative dissertation on the syntax of Somali (which at that time still lacked a written language) that was written in terms of the “Meaning $\leftrightarrow$ Text” model. His defense was “postponed for an undetermined time” when it was discovered that its author was among the signatories of a letter supporting the imprisoned dissidents Aleksandr Ginzburg and Iurii Galanskov, who were charged with preparing a “white book” describing the trial of the writers Andrei Siniavskii and Iulii Daniel.¹⁹ Nonetheless, “a half a year later, in the spring of 1969, thanks to the support of his colleagues, the defense took place (the ‘opponents’ were A. A. Zaluzniak and A. B. Dolgopol’sky). This was the sole successful defense of a ‘kandidatskaia’ dissertation by a dissident scholar in the humanities, and the degree was approved by VAK.”²⁰ Soon a monograph based on the dissertation was issued under the imprimatur of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR.²¹

In 1974 a new wave of persecution against nonconformists began, marked in particular by Alexander Solzhenitsyn’s expulsion from the USSR. Zholkovsky was fired from the Institute of Foreign Languages. In his last years before emigration, he was part of Iurii Apresian’s team working on the problem of machine translation. This group also worked on developing the “Meaning $\leftrightarrow$ Text” model and was based in the research institute “Informelektr” of the Ministry of Electrotechnical Industry, one of the few that hired the politically unreliable. At this new post, by his own admission, Zholkovsky exclusively pursued his own scholarly interests, which by this time had almost completely shifted to formal

19 This was the samizdat “Belaia kniga po delu Siniavskogo i Daniela.” See “Dopolneniia k spisku vnesudebnykh politicheskikh repressii 1968 goda,” *Khronika tekushchikh sobytii* 5, December 31, 1968, p. 91, accessed April 25, 2017, <http://hr2.memo.ru/w/images/c/c8/Hr5.pdf>.

20 VAK—Vysshiaia attestatsionnaia komissiiia, Highest Attestation Commission. Zholkovsky, “Avtobio.”

21 Aleksandr Zholkovskii, *Sintaksis somali (Glubinnye i poverkhnostnye sturktury)* (Moscow: Nauka, 1971).

poetics.²² Simultaneously he organized a seminar on poetics at his apartment which, in Mikhail Gasparov's characterization, "was one of the small centers of unofficial research in those years that were so inhospitable to it."²³ In three and a half years (1976–79) the seminar met forty-five times.²⁴ Its regular members included the Muscovites Mikhail Gasparov, Eleazar Meletinsky, Iurii I. Levin, Iurii Shcheglov, Iurii Freidin, Tat'iana Tsivian, Tat'iana M. Nikolaeva, Olga Sedakova, and Olga Rezvina; among the out-of-town guests from Leningrad, Riga, and Tartu were Boris Gasparov and Iurii Lotman; and there were even several foreign guests, such outstanding figures as Kiril Taranovsky and Henryk Baran.

With time the seminar's ranks thinned as one participant after another set off to new PMZh's (permanent place of habitation) abroad, the majority supposedly to be united with fictional relatives in Israel, although few actually went there. In the summer of 1979 it was the turn of the seminar's organizer. "[I was] tired of both the establishment and the antiestablishment in almost equal measure," Zholkovsky commented, half in jest, and added in complete seriousness: "The most common and obvious reason for emigration among the leaders of the structural-semiotic movement was, of course, their ideological incompatibility with the Soviet regime, which was aggravated as the official line became tougher."²⁵

He did not go to Israel. At the initiative of Teun van Dijk and Jan van der Eng, Zholkovsky was invited to the University of Amsterdam, where for a semester he diligently represented Eastern European Structuralism. In the description of the English version of Zholkovsky and Shcheglov's work on the poetics of expressiveness, which was published by John Benjamins Publishing Company in Amsterdam as part of the *Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe* series,²⁶ the book is presented as "the work of two major representatives of the so-called Moscow-Tartu

22 Aleksandr Zholkovskii, "Iz istorii vcherashnego dnia," in *Semidesiatye kak predmet istorii russkoi kul'tury*, ed. Kirill Rogov, Natsiia i kul'tura, Rossiia/Russia 1 (Moscow: OGI, 1998), 145, 148. The title parodies that of Lev Tolstoy's unfinished "Istoriia vcherashnego dnia."

23 Mikhail Gasparov, "Seminar A. K. Zholkovskogo—E. M. Meletinskogo: Iz istorii filologii v Moskve 1970–1980-kh gg.," *Novoe literaturnoe obozrenie* 77 (2006): 113.

24 Ibid., 113–25; Zholkovskii, "Zh/Z—97," 205.

25 Zholkovskii, "Zh/Z—97," 183n14, 163n15.

26 Shcheglov and Zholkovsky, *Poetics of Expressiveness* (cited in note 18 above).

school.”²⁷ One must presume that, viewed from the outside, the schism must have seemed more like a discussion of nuances.

Zholkovsky invariably names Viacheslav Vsevolodovich Ivanov as his mentor, but with the eloquent parenthetical qualification: “despite my many disagreements with him.”²⁸ A similar tangle of attraction and repulsion characterizes Zholkovsky’s relations with another leader of the Moscow-Tartu semiotic school, Iurii Lotman.²⁹ His dialogue with the patriarch of international Structuralism Roman Jakobson was more conventionally successful. Jakobson helped the freshly baked émigré find his first permanent position in America. Zholkovsky recalls that his “positive support behind the scenes (‘I trust that this time Cornell will not miss out on this wonderful possibility’—an apparent reference to their failure to hire Mel’chuk three years earlier) played a role in my getting much-prized tenure there.”³⁰

From 1980 on, Zholkovsky’s life and scholarly career were closely connected to North America. Having begun his new-world profession at Cornell, and soon becoming a full professor and department head there, in 1983 he suddenly left the Ivy League for the University of Southern California in Los Angeles, where he continues to work as part of a unique scholarly team, now headed by his favorite pupil and disciple Thomas Seifrid. During his time at USC Zholkovsky helped turn the Department of Slavic Languages into one of the leading doctoral programs in the country. In his “American period” Zholkovsky has written and published a majority of his books and articles. In this respect, his biography seems like the direct opposite of the histories of other émigré creative writer-professors such as Evgenii Evtushenko or Vasilii Aksenov, but perhaps recalls that of Joseph Brodsky.

Having quickly adapted to his new milieu, Zholkovsky began to actively publish in English. Actually, his first articles in English were published in leading international literary-theoretical journals even earlier,

27 Catalog: “Poetics of Expressiveness,” *John Benjamins Publishing*, accessed April 26, 2017, <https://benjamins.com/#catalog/books/llsee.18/main>.

28 Zholkovsky, “Avtobio.”

29 Zholkovskii, “Zh/Z—97,” 195.

30 Aleksandr Zholkovskii, “Roman Osipovich Iakobson (Iz memuarykh zametok),” in *Roman Iakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniia*, ed. Henryk Baran and Sergei Gindin (Moscow: RGGU, 1999), 275.

in the pre-emigration years 1978 and 1979.³¹ In 1984 Cornell University Press published Zholkovsky's *Themes and Texts*, with a foreword by his colleague at Cornell, the well-known literary theorist and scholar Jonathan Culler.³² In 1987 the abovementioned monograph coauthored by Zholkovsky and Shcheglov, *The Poetics of Expressiveness*, came out in Amsterdam, and in 1994 Stanford University Press published still another English-language book by Zholkovsky entitled *Text Counter Text*.³³ Zholkovsky was faced with a choice: either become a bilingual author, like Brodsky, or switch completely to English, like Nabokov.

This dilemma apparently resolved itself, as the Soviet regime turned out to be less permanent than one might have thought. People went into emigration, they thought, forever, but it turned out not to be that way (today, in contrast, many leave Russia for a short while and might end up never returning). Perestroika opened the border, and starting in 1988 the recent émigré began to make yearly visits to his "historical homeland" and to publish both in America and in Russia. His main interests now were the "new" and "newest" Russian literature—Russian Modernism of the early twentieth century understood broadly, that is, including post-Symbolism, the Avant-Garde, and the closely related post-revolutionary art (Boris Pasternak, Evgenii Zamiatin, Isaac Babel, Mikhail Zoshchenko); as well as that of contemporaries (Vasilii Aksenov, Fazil' Iskander, Bulat Okudzhava, Eduard Limonov, Sasha Sokolov).³⁴

31 See: A. K. Zholkovsky, "The Literary Text—Thematic and Expressive Structure: An Analysis of Pushkin's Poem 'Ya vas lyubil . . .,'" trans. L. M. O'Toole, *Soviet Semiotics and Criticism: An Anthology*, *New Literary History* 9, no. 2 (1978): 263–78; Ju. K. Shcheglov and A. K. Zholkovskij, "The Poetic Structure of a Maxim by La Rochefoucauld: An Essay in *Theme* ↔ *Text* Poetics," *PTL: A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature* 3 (1978): 549–92; A. K. Žolkovskij, "How to Show Things with Words: On the Iconic Representation of Themes by Expression Plane Means," *Poetics* 8, no. 4 (1979): 405–30. Cf.: "[In 'Informelectro'] AZ does absolutely nothing, and, preparing to leave [. . .], writes articles on poetics and publishes them abroad" (Zholkovskii, "Iz istorii vcherashnego dnia," 145).

32 Cited in note 18.

33 Alexander Zholkovsky, *Text Counter Text: Rereadings in Russian Literary History* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1994). The title plays upon the musical term *punctum contra punctum* (counterpoint), used literally as the title of Aldous Huxley's novel *Point Counter Point*.

34 His books, apart from those mentioned in notes 18 and 33, include: Aleksandr Zholkovskii, *Bluzhdaiushchie sny i drugie raboty* (Moscow: Nauka, Vostochnaia literatura, 1994); Aleksandr Zholkovskii and Mikhail Iampol'skii, *Babel'/Babel* (Moscow: Carte blanche, 1994); Aleksandr Zholkovskii, *Inventsii* (Moscow: Gendal'f, 1995);

From the classical authors he wrote on Alexander Pushkin and Lev Tolstoy. His main interest is the poetics of small genres (poems, short stories, novellas) and their thematic invariants, expressive devices, and intertexts. His characteristic approach is to demonstrate the author's specific poetics based on the analysis of one, usually short work; and to uncover a common theme or common device in two or more well-known, but heretofore never juxtaposed, works. His sympathies as a researcher are on the side of those who "are significantly invested in breaking conventions, in innovation, in a conscious or unconscious undermining of the literary establishment, and in that sense with the 'revolution.'"³⁵ His antipathies as a researcher are for the uncritical acceptance of literary texts as dictated by the established canon.³⁶ Zholkovsky's work in general is marked by anti-dogmatism, the non-acceptance of the authoritarian or monological, whether official or oppositionist. Many do not like this.

After several years Zholkovsky reinvented himself as a different kind of writer. He began to create fictional texts in which the "former theoretician Zh. turns out to be the author of meta-novellas about Professor Z,"³⁷ and he also began to record anecdotes from his own life, turning autobiography into an open-ended series of memoiristic novellas-vignettes. The year 1991 saw the publication of his collection of Russian short stories *NRZB* that catapulted him into the ranks of literary Postmodernism, and in 2000 the first installment of his vignettes appeared; from that time new vignettes began appearing year after year.³⁸

Zholkovskii, *Mikhail Zoshchenko: Poetika nedoveriia* (Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kultury," 1999); Zholkovskii, *Izbrannye stat'i o russkoi poezii: Invarianty, struktury, strategii, interteksty* (Moscow: RGGU, 2005); Zholkovskii, *Poltora rasskaza Babelia: "Giui de Mopassan" i "Spravka/Gonorar"*; *Struktura, smysl, fon* (Moscow: Komkniga, 2006); Zholkovskii, *Ochnye stavki s vlastitelem: Stat'i o russkoi literature* (Moscow: RGGU, 2011); Zholkovskii, *Novaia i noveishaia russkaia poeziia* (Moscow: RGGU, 2009); Zholkovskii, *Poetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty* (Moscow: NLO, 2011); Zholkovskii, *Poetika za chainym stolom i drugie razbory* (Moscow: NLO, 2014); and others.

35 Zholkovskii, *Inventsii*, 123.

36 See Zholkovskii, "K pereosmysleniiu kanona: Sovetskie klassiki-nonkomformisty v postsovetsoi perspektive," *Novoe literaturnoe obozrenie* 29 (1998): 55–68.

37 Zholkovskii, "Zh/Z—97," 190.

38 Aleksandr Zholkovskii, *NRZB: Rasskazy* (Moscow: Biblioteka al'manakha Vesiy, 1991); Zholkovskii, *Memuarnye vinetki i drugie non-fictions* (St. Petersburg: Zhurnal Zvezda, 2000); Zholkovskii, *Erosiped i drugie vinetki* (Moscow: Vodolei Publishers, 2003); Zholkovskii, *NRZB. Allegro mafioso* (Moscow: OGI, 2005); Zholkovskii,

Vasilii Aksenov wrote the foreword to *NRZB* and in it described the book in this way: “Zholkovsky essentially invents a unique genre of creative writing on the border between fiction and structural analysis.”³⁹ This is not the place to consider the poetic and stylistic similarities and differences between Aksenov and Zholkovsky as writers, but it is impossible to leave one notable incident without comment. It happened five years ago. Two of Zholkovsky’s stories that had long been published were found among Aksenov’s papers in typescript and were almost published under the byline of the author of *Victory* and *Surplussed Barrelware* because the executor of his literary estate⁴⁰—who a bit overconfidently considered himself a connoisseur of Aksenov’s style—thought that they belonged to him. Unfortunately for future literary historians, Zholkovsky happened to find out about the forthcoming publication of his stories, which were to be presented as “masterpieces of the mature Aksenov,” and he cleared up the misunderstanding. At the last moment the entire issue of this well-known literary journal had to be redone, and the stories that the unfortunate executor had called so good that “they could adorn the most demanding anthology of this genre” were removed. Hence the publication, alas, did not happen, though it did supply the plot for an autobiographical vignette.⁴¹

Zholkovsky experiments with two different genres. The stories in *NRZB* are fiction, though it with the merit of containing non-fictional analyses of literary texts. The autobiographical vignettes are non-fiction, but also possess artistic merit.⁴²

“*Nrzb*” (a textological notation familiar mainly to literary scholars who read the section on rough drafts in academic collected works) is what should be in the text but actually is not, insofar as “it” is “N[e] R[a]Z[o]B[rano],” that is, illegible. An interpreter can read anything he or she wants into an illegible fragment; in *NRZB* textual interpretation of

---

Zvezdy i nemnogo nervno: Memuarnye vinetki (Moscow: Vremia, 2008); Zholkovskii, *Naprasnye sovershenstva i drugie vinetki* (Moscow: AST, 2015); Zholkovskii, “‘Na grani’ i drugie vinetki,” *Novyi mir* 2 (2017): 124–47; and others.

39 Vasilii Aksenov, “Professor Zet sredi Iksov i Igrekov,” in Aleksandr Zholkovskii, *NRZB*, 3. Signed: Vassily Aksyonov.

40 The poet and literary critic Victor Esipov.

41 Aleksandr Zholkovskii, “Byt’ znamenitym . . . : 1. Being Vasilii Pavlovich; 2. Piatnadsat’ minut slavy,” *Zvezda* 11 (2012): 212–17; republished in his book *Poetika za chainym stolom i drugie razbory*, 723–30. On the plot points, see Zholkovskii, “Opponenty i puanty,” in *Naprasnye sovershenstva*, 178–79.

42 On these two genres, see Willem Weststeijn’s article in the current volume.

the stories that Zholkovsky did not want to do under his own name is “entrusted [. . .] to Professor Z.”⁴³

A *vignette* is what is not in the text but what should be, if not in the text, then alongside it. In fine old books vignettes were an almost obligatory part of the design. They depict either what is in the book or what is presumed to be in it. As a rule, they are not found in the text but nearby—before or in front of it. Sometimes they are no less important than the text itself. The word also has a figurative meaning. “The word ‘vignette’ as the description of a verbal genre,” Zholkovsky explains, “is more richly developed in English [than in Russian]. When something is not central, not major, not required, something entertaining or elegant, then this is a ‘vignette.’ In this context I am more or less an innovator in Russian.”⁴⁴

But to be marginal or peripheral does not mean to be irrelevant. Zholkovsky is fond of Alfred North Whitehead’s famous maxim that Western philosophy is a series of footnotes to Plato, that is, a commentary on Plato. In exactly the same way that the study of literature is the creation of such footnotes to someone else’s texts and comments on them, the vignettes are footnotes to the text of one’s own life and commentary on it. Without commentary a text is hermetically sealed and loses meaning. To put it simply, without commentary there is no meaning.

According to Lidiia Ginzburg, “[Viktor] Shklovsky assert[ed] that every decent literary scholar should be able, in case of necessity, to write a novel.”⁴⁵ “But I have no inclination at all to write a novel,” Zholkovsky parries, preferring to hone his practice in smaller genres. “Even in my scholarly writing I prefer to analyze short things—puns, maxims, poems, novellas.”⁴⁶ In one of his recent books⁴⁷ he gave titles to all of its sections, explicitly describing his own generic repertoire: “Silhouettes,”⁴⁸ “Essays and Reviews [*esse i razbory*],” “*razborki*,”⁴⁹ “Vignettes,” “Fiction.” In his latest collection

43 Mikhail Gasparov, “Vzgliad iz ugla,” *Novoe literaturnoe obozrenie* 3 (1993): 47.

44 Zholkovskii, “Avtor—personazh, i iz samykh uiazvimykh,” as cited in note 8 above.

45 Lidiia Ginzburg, *Chelovek za pis'mennym stolom* (Leningrad: Sovetskii pisatel', 1989), 34.

46 “Aleksandr Zholkovskii,” as cited in note 4 above.

47 Aleksandr Zholkovskii, *Ostorozhno, trenochnik!* [Watch Out! A Tripod!] (Moscow: Vremia, 2010). “Watch out!”—because the tripod (i.e., reputation) gets *shaken* (a quote from Pushkin’s “To a Poet,” used in the title of two literary essays: Vladislav Khodasevich’s “Shaken Tripod” and “. . . It Shakes Your Tripod” by Solzhenitsyn).

48 The genre definition refers to Iulii Aikhenval'd's book *Siluety russkikh pisatelei*.

49 That is, polemics (*razborka* [jargon])—“clarifying relations with a hostile group”;

Selected Passages, or Topics of Various Years (Moscow: CoLibri, 2016), he again unites fiction and non-fiction, *Dichtung und Wahrheit*, under a single cover. Shklovsky would have called this kind of book a “centaur.”

The “impudently literary” title *Selected Passages*⁵⁰ parodies Gogol’s *Selected Passages from Correspondence with Friends*,⁵¹ and *Topics [or “Plots” or “Stories”] of Various Years* recalls the customary subtitle “Works (Stories, etc.) of Various Years.” The subtitle suggests what literature and biography have in common: a story.

According to Zholkovsky, the very title of the series in which the book appeared—“Persona”—prompted him to bring together this varied set of materials. The heterogeneous works are united by the personality of the writer, a “writer with a biography” according to Tomashevskii’s classification.

Mikhail Gasparov remarked that although “Poststructuralist intellectual play” is not alien to Zholkovsky, this is “conscious and permissible only against a background of Structuralist rigor.”⁵² Zholkovsky like no one else realizes “the regrettable, but unavoidable instability of humanist discourse, doomed to fluctuate between the extremes of science and art.”⁵³ However, in the latest reissue of his work with Shcheglov on the poetics of Tolstoy’s children’s stories, he admits with a light heart that he has always been and remains a consistent Structuralist:

In presenting their later works, [. . .] the co-authors decided not to foreground the theoretical underpinning of their studies, and they left it in the background, hid it in the subtext, tucked it away in the foundation, but did not cease to make use of this multiplication table secretly to produce (as it turned out) good results. But to keep silent about this concealment does not seem proper either. The fact is that

---

polemic—a “scientific or philosophical dispute,” from the Greek πολεμικά, “military exercises”).

50 The author’s own words. (See Aleksandr Zholkovskii, “Letnim dnev’: Ezopovskii shedevr Fazilia Iskandera,” *Novyi mir* 4 [2015]: 179).

51 See Zholkovsky’s own “Vybrannye mesta iz perepiski s Khemingueem,” in his book *Memuarnye vintki*, 32–35; Alexander Zholkovsky, “Rereading Gogol’s Miswritten Book: Notes on *Selected Passages from Correspondence with Friends*,” in *Essays on Gogol: Logos and the Russian Word*, ed. Susanne Fusso and Priscilla Meyer (Evanston, IL: Northwestern University Press, 1992), 172–84, also in his *Text Counter Text*, 17–34.

52 Mikhail Gasparov, “Predislovie,” in Zholkovskii and Shcheglov, *Raboty po poetike vyzitel’nosti*, 8.

53 Zholkovskii, “Zh/Z—97,” 190.

intellectual fashions come and go but the fundamental tasks of literary criticism remain, and one can expect a return of interest in Structuralist ideas and methods.⁵⁴

In our Postmodern age we have come to expect that every reader has “my Pushkin” and “my Tolstoy.” It should not be a surprise that every reader has “my Zholkovsky” and that they are all different. We would like to stress again Zholkovsky’s many-sided creative independence, which we hope is at least to some degree reflected in the offerings collected in this volume. This, indeed, is what *predisposed* the authors and coeditors to their choice of the main ED (expressive device) used in this book—VAR*contr* (contrasting VARIATION).⁵⁵ We did not attempt to force this variety into some fixed order, and so decided to present the articles in alphabetical order—*from A to Z*.

Counter to venerable and useful custom, we did not include a bibliography of the person being festschrifted. First of all, this is largely available on his own website.⁵⁶ Secondly, it is very large: thirty-five books and about four hundred articles, not including translations and reprints,⁵⁷ plus interviews and other newspaper materials; and there are at least two or three dozen publications for various reasons not included in Zholkovsky’s own bibliography (abstracts, reviews, survey articles, and so forth). Thirdly, to put all of this into a single bibliographic list, we would need to check all publications *de visu*, and this, as we see, would amount to more than five hundred items, including early works printed in hard-to-access Soviet publications (preprints of academic institutions, rotaprint collections of institutes and universities, etc.). It is possible and necessary to seek all this out, but it would take time and diligent effort. Well, for the next anniversary we may publish this as a separate volume!

Dennis Ioffe, Marcus Levitt, Joe Peschio and Igor Pilshchikov

54 Aleksandr Zholkovskii, “Ot sostavitelia,” in Zholkovskii and Shcheglov, *Ex ungue leonem*, 6.

55 See Zholkovskii, *Poetika vyrazitel’nosti*, sections 1.3 (Temy, predraspologaiushchie k PV) and 5 (Provedenie cherez raznoe, ili var’irovanie) (*Ex ungue leonem*, 125, 149).

56 *Alexander Zholkovsky*, accessed July 21, 2017, <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/alikh.htm>.

57 See List of Publications, *Alexander Zholkovsky*, accessed April 24, 2017, <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/eng/publ.htm>.